I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Н. П. Евдокимова

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ: БЫЛ ЛИ АРИСТИД БРИАН РЕНЕГАТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ?

Нетерпимость, враждебность к чужому мнению, образу мысли, поступкам нередко проявляется в неприязненных, неаргументированных оценках и суждениях некоторых историков о тех или иных политических, государственных деятелях. Речь идет, конечно, о буржуазных государственных деятелях и политиках, среди которых в советской историографии особым вниманием пользуется Аристид Бриан. Советские историки не жаловали видного государственного и политического деятеля Франции конца Х1Х – первой трети ХХ вв. А. Бриана какими-либо положительными оценками и характеристиками. За именем Бриана на протяжении многих лет и десятилетий следует характеристика, ставшая клише — «ренегат социалистического движения»; далее нередко следуют рассуждения о том, что Бриан в молодости примкнул к рабочему движению, чтобы, приобретя в нем популярность, стать депутатом, министром. То есть Бриану приписывалась некая изначальная преднамеренность в поступках: использовать рабочее, социалистическое движение в качестве трамплина для достижения высших государственных постов. А затем, по мнению советских историков, достигнув этих постов, он предал рабочий класс, стал верным слугой буржуазии, проводником ее влияния в рабочем классе.

Советские историки при этом не были оригинальными: это мнение они заимствовали у В.И. Ленина, который писал об А. Бриане так: «Известный ренегат Бриан был некогда архиреволюционером и глашатаем “всеобщей стачки“ …он изменил рабочему классу и продался буржуазии»[1]. Правительство, созданное Брианом в 1909 г. с участием А. Мильерана и Р. Вивиани, Ленин назвал «министерством трех ренегатов». А далее, следуя традиции советской историографии – не анализировать, не подвергать сомнению, переосмыслению ленинские оценки,

© Евдокимова Н. П. 2011

историки, отталкиваясь от этих оценок, тиражировали их, дополняя их собственными суждениями и характеристиками. Приведем некоторые, наиболее колоритные из этих характеристик. А. З. Манфред писал так: «Ф. Пеллутье и Аристид Бриан, подвизавшийся в те времена в качестве *"архиреволюционера"*, развернули широкую пропаганду всеобщей экономической стачки в качестве универсального средства разрешения социального вопроса»[2]. Другой крупнейший специалист по истории Третьей Французской республики В. И. Антюхина-Московченко пишет, что, пытаясь объединить рабочие и социалистические силы, «гедисты встретили сильное сопротивление со стороны таких сознательных, как Бриан, или стихийных, как Пеллутье или Аллеман, проводников буржуазного влияния в рабочем классе»[3]. Еще одно парадоксальное суждение В. И. Антюхиной-Московченко о Бриане: «Пытаясь оправдать доверие буржуазии, Бриан стремился проводить политику сглаживания противоречий путем подчинения рабочего класса буржуазному влиянию. Его правительство (1909 – 1911 гг.) в этих целях провело 5 апреля 1910 г. давно обсуждавшийся закон о пенсиях для рабочих и крестьян, устанавливавший обязательное страхование всех низкооплачиваемых лиц наемного труда с 65-летнего возраста»[4]. Подобных характеристик и оценок личности Бриана и его деятельности можно найти еще довольно много в нашей исторической литературе. Мы не найдем только попыток выявить мотивы тех или иных поступков Бриана, разобраться в причинах его причастности к рабочему, социалистическому движению и причин разрыва с ним.

Но как же все было на самом деле? Как А. Бриан стал социалистом? С чего начиналось его приобщение к политике? Было ли естественным его участие в синдикалистском движении? Что послужило основанием для его разрыва с социалистами в момент их объединения? Попытаемся разобраться в этом.

* * *

А. Бриан (1862 – 1932 гг.) родился в семье с весьма скромным достатком. Его отец был владельцем небольшого кафе сначала в Нанте, затем – в Сен-Назере. Бриан получил хорошее образование: в коллеже Сен-Назера, где он был полупансионером, здесь он встретился с прекрасным учителем словесности, директором коллежа, г. Женти, который обнаружил в своем ученике способности, развил их, добился для него стипен-

дии для продолжения образования в лицее г. Нанта. О неординарных способностях А. Бриана свидетельствовали похвальные листы, ежегодно получаемые им в коллеже, а затем и в лицее за знания латыни, греческого, английского, французского языков, истории, географии; за победу в конкурсе он был удостоен почетного приза Реннской академии за французскую речь. По окончании лицея он получил степень бакалавра словесности. Никто из политиков Третьей республики, его современников, пишет французский историк, автор последней биографии А. Бриана Ж. Онже, не был из более скромной, бедной среды, чем Бриан, и никто из них не мог похвастаться такими достижениями в учебе, как он[5]. Обучение на юридическом факультете Парижского университета (1883 – 1886 гг.) Бриан должен был совмещать с работой клерком в одной из юридических контор в Латинском квартале: теоретический курс, таким образом, дополнялся практическим знакомством с судебной системой страны. Благодаря работе Бриан мог чувствовать себя материально независимым от родителей.

На годы студенчества А. Бриана приходится приобщение его к политическим дискуссиям. В начале 80-х гг. Х1Х в. Франция переживала кризис, охвативший промышленность, сельское хозяйство, банковское дело. Действительность, окружавшая его в бурлящей политической, общественной, социальной, культурной жизнью столице, не оставила Бриана равнодушным. Что такое бедность в его родном крае – Бретани, он знал. В Париже его поражали резкие контрасты столичного города. С одной стороны, он видел бедность и нищету в рабочих кварталах, марши безработных, которые в 1883 г. стали почти обыденным делом из-за кризиса и связанной с ним безработицей. Бедность он видел в кварталах, населенных рабочими и ремесленниками. С другой стороны, он наблюдал, как вполне благополучная «буржуазия щеголяет в своих ландо и каретах, разъезжая вдоль авеню, ведет легкое фривольное существование», пишет Ж. Онже, и отмечает, что эти наблюдения вызывали у молодого человека чувство протеста, ощущение несправедливости. «Этот протест, — пишет Онже, — будет мотором в его политической деятельности в течение долгих лет. Он мог его привести только в лагерь ультралевых»[6].

Первой демонстрацией политических настроений Бриана стала его статья в газете “La Démocratie de l’Ouest”, которая издавалась в Сен-Назере с октября 1883 г. Газета позиционировала себя как орган рабочих, коммерсантов, крестьян, моряков. Владелец газеты Евгений Куронне, сторонник радикалов, в августе 1884 г. предложил А. Бриану войти в

состав редакционного коллектива. 17 августа 1884 г. появилась первая статья, названная автором “Alea jacta est!” («Жребий брошен!»). Пафос статьи, полемический задор, уничижительная ирония статьи были направлены на критику политики правительства и парламента, в частности, на критику только что принятого конституционного закона о реформе сената. Бриан критикует главу правительства Ж. Ферри и его сторонников за то, что они не выполнили обещание – не упразднили сенат, как это предусматривалось программой радикалов, а ограничились упразднением института пожизненных сенаторов. Он критикует в целом политику правительства «за расстройство финансов», за состояние армии, «скомпрометированной в колониальной авантюре», критикует и «бесчестную, развращенную Палату депутатов»[7]. Статьи Бриана стали появляться регулярно. В многочисленных статьях он язвительно, в свойственной ему колючей манере критикует и местные власти Сен-Назера, что даже приводит его к дуэли с председателем торговой палаты Сен-Назера Дювалем. У него появились и друзья, и враги.

Летом 1886 г. с дипломом юриста А. Бриан вернулся в Сен-Назер. К этому времени у него уже была репутация бунтовщика и ультралевого политика. Он сосредоточивает внимание на своей адвокатской практике, приобретая навыки в судебных заседаниях, где рассматривались обычные дела. Он курсировал между Сен-Назером и столицей департамента Нижняя Луара Нантом, и другими городами и городками округи. Самые маленькие судебные дела приносили ему известность как адвокату. Здесь он оттачивал свое ораторское мастерство, которое помогало ему побеждать в процессах, покорять аудиторию мастерски выстроенной речью. Департаментская пресса не раз отмечала его красноречие, талант защитника обвиняемых[8].

Известность приходила к А. Бриану не только из залов судебных заседаний, но и с другой стороны – от простых людей: в свободное время он путешествовал по родной Бретани. С рюкзаком за плечами он совершал длинные пешие переходы, останавливаясь в деревенских трактирах, подолгу доверительно беседовал с трактирщиками, крестьянами, рабочими, вникал в их нужды. Впечатления, приобретенные в этих путешествиях, дополняли его представления о жизни народа. Все биографы отмечают понимание Брианом простых людей, поскольку он говорил с ними на одном языке[9].

К этому времени (вторая половина 1880-х гг.) относится начало его дружбы и сотрудничества с Фернаном Пеллутье, гиперактивным, по

отзывам многих его сотрудников, журналистом и политиком. Они познакомились в газете “La Démocratie de l’Ouest”. Бриан в течение многих лет был сторонником радикалов, что проявлялось в его журналистских материалах. Не был чужд ему и интерес к социальным проблемам. С Пеллутье пришел интерес к социалистическим идеям.

Что собой представляло социалистическое движение во Франции в 80-х – 90-х гг. X1X века? Сложность состояла в его неоднозначности, калейдоскопичности, наличии множества течений, групп, которые вели между собой беспринципную борьбу за влияние на рабочее движение. Наиболее авторитетной в социалистическом движении Франции была созданная в 1880 г. Французская рабочая партия, возглавляемая Ж. Гедом, стоявшим на позициях классовой борьбы и завоевания политической власти рабочим классом в результате революции. Определенную роль играла партия сторонников доктора П. Брусса, поссибилистов, сформировавшаяся в результате раскола Рабочей партии на съезде в Сент-Этьене в 1882 г., и получившая название Рабочей партии французских социалистов-революционеров, ратовавшей за отказ от классовой борьбы и использование только парламентских средств борьбы. Вернувшиеся после закона об амнистии из эмиграции и ссылки сторонники О. Бланки, возглавляемые бывшим коммунаром Э. Вайяном, создали свою партию — Центральный революционный комитет, высказывались за завоевание политической власти. В результате раскола поссибилистов в 1890 г. образовалась еще одна партия – Революционно-социалистическая рабочая партия, аллеманисты, названная так по имени возглавлявшего ее бывшего участника Парижской коммуны Жака Аллемана. Помимо названных организаций существовало множество групп и группок социалистов, называвших себя «независимыми», оказывавших влияние на неорганизованных рабочих. Все более активными, особенно в периоды подъема стачечного движения, становились анархисты[10].

80-е – 90-е годы XIX в. были отмечены и ростом стачечного движения. Забастовки происходили в разных отраслях производства. Особенно упорными традиционно были забастовки шахтеров, но бастовали и текстильщики, железнодорожники, рабочие других отраслей промышленности. Забастовочное движение способствовало росту числа профсоюзов и численности их членов. Закон 1884 г. о легализации синдикатов расширил возможности рабочих организаций и усилил стремление к их объединению в национальном масштабе. На общенациональном конгрессе профсоюзов, созванном по инициативе гедистов в 1886 г. в Лионе,

была создана Национальная федерация синдикатов (НФС)[11]. Под идейным влиянием Рабочей партии конгресс отметил, что профсоюзы должны стоять на позициях классовой борьбы и бороться вместе с социалистической партией[12]. Бедой партии было то, что гедисты не воспринимали синдикаты в качестве самостоятельной, со своими целями и задачами формы рабочих объединений. Участвуя в создании профсоюзов, руководство Рабочей партии видело их роль лишь в том, чтобы использовать их как «простой трамплин для политической деятельности», чтобы «распространять там социалистические идеи и привлекать рабочих на сторону программы партии»[13]. То есть синдикаты, НФС должны были стать своего рода резервуаром для пополнения численности членов Рабочей партии.

Однако при множественности объединений и групп социалистов, существовавших во Франции в 80-х – 90-х гг. XIX в. трудно представить, что НФС останется единственным объединением массовых организаций рабочего класса. Противовесом и оппонентом Национальной федерации синдикатов станет специфическая форма организации французских рабочих — биржи труда, объединявшие рабочих одной местности – муниципалитета, города, департамента. Биржи труда занимались поисками работы для утративших ее, организацией помощи забастовщикам, выплаты пособий безработным и т.д. В феврале 1892 г. на съезде представителей бирж труда в Сент-Этьене была создана Федерация бирж труда (ФБТ), руководителями которой стали Фернан Пеллутье и Аристид Бриан. Отличие от Национальной федерации синдикатов состояло еще и в том, что Федерация бирж труда была организацией автономной, не признающей руководства со стороны политической партии. Гедисты, пренебрежительно относившиеся к синдикалистским организациям вообще, с недоверием относились к биржам труда[14]. Это недоверие мотивировалось известной материальной зависимостью бирж труда от местных властей, поскольку муниципалитеты, в частности, способствовали аренде синдикатами помещений. Гедисты полагали, что через биржи труда власти будут оказывать влияние на развитие профсоюзной борьбы, что профсоюзы окажутся под контролем буржуазии.

Такую пеструю картину представляло социалистическое движение Франции в те годы, когда настала пора для Бриана определить свою принадлежность к нему. Какое течение он выберет? В начале 1892 г. вместе с Ф. Пеллутье Бриан стал участвовать в работе местной ячейки Французской рабочей партии. Почему Бриан сделал выбор в пользу наиболее

доктринерской партии? Возможно потому, что Рабочая партия в это время была самой многочисленной, наилучшим образом организованной, самой активной, у нее были авторитетные лидеры – Жюль Гед и Поль Лафарг. То обстоятельство, что Рабочая партия призывала к революции, мало уделяя внимания повседневным нуждам рабочих, и, следуя формуле Ж. Геда «все или ничего», не вела борьбы за реформы, которые улучшили бы положение рабочего класса, неизбежно должно было развести гедистов и А. Бриана, который как раз много говорил и делал для оказания повседневной помощи тем, кто оказался в затруднительном положении в результате забастовки или безработицы. Не отвечал взглядам Бриана и призыв гедистов к революции. Все исследователи биографии Бриана подчеркивают его неизменную приверженность мирным средствам борьбы, предпочтение реформам, а не революции, отрицание им насилия и жестокости.

Эти расхождения отчетливо проявились уже во время первой встречи А. Бриана с одним из лидеров ФРП П. Лафаргом, который во время пропагандистской поездки по стране в начале 1892 г. посетил Сен-Назер. Это было после знаменитой первомайской демонстрации 1891 г. в Фурми (департамент Нор), расстрелянной войсками и полицией, когда 10 человек были убиты и 35 ранены. Министр внутренних дел Констан ответственность за события возложил не на армию и полицию, а на социалистов, призывавших рабочих к этой демонстрации. Лафарг, который за месяц до этой демонстрации, выступая в Фурми, заявил, что хозяева – это «бесполезные животные», которых надо убивать «как бесполезных животных», оказался, как пишет Ж. Онже, идеальным обвиняемым[15] в призыве к бунту и к убийству фабрикантов. Лафарг и руководитель местной организации Рабочей партии рабочий Кюлин приговором суда были осуждены на тюремное заключение. Избрание Лафарга депутатом парламента на дополнительных выборах в Палату депутатов, состоявшихся 8 ноября 1891 г., привело к его освобождению.

10 и 11 января 1892 г. в рамках пропагандистского турне, по приглашению рабочих-социалистов, П. Лафарг посетил Сен-Назер и Триньяк. Речи Лафарга, как отмечает Ж. Онже, не отличались особым колоритом (sans nuances - без нюансов)[16]. На предложение проголосовать за сбор 50 тысяч франков в помощь жертвам Фурми Лафарг заявил, что «кровь рабочих не смывается золотом» и заговорил о близкой революции. Бриан парировал высокомерное заявление Лафарга, призывая социалистов к достижению большего согласия между лидерами, к необходимости

выработки «более однородной программы», когда сильная организация стала бы гарантом того, что «рабочие, которых бросят на завоевание власти, не будут вместе со своими женами и детьми подвергнуты репрессиям, безработице, ужасам нищеты и голода». Бриан призывал к мирной революции, исключающей жестокость и насилие. Верным себе остался и Лафарг: что бы ни произошло с пролетариатом, нужно начинать битву немедленно, ответил он Бриану[17].

Перепалка с Лафаргом убедила Бриана в преимуществе собственных взглядов на рабочее движение, но и в необходимости их теоретического обоснования. Весной и летом 1892 г. вместе с Ф. Пеллутье Бриан занимался сочинением теоретического труда о всеобщей стачке. Вопрос о всеобщей стачке как средстве борьбы рабочего класса в эти годы был одним из самых обсуждаемых в социалистическом движении Франции. В статьях в прессе, в различных дискуссиях А. Бриан постоянно в качестве альтернативы революции упоминал всеобщую стачку – мирное, без насилия и жертв, средство борьбы рабочего класса за улучшение своего положения.

Попыткой ответить на комплекс вопросов – что такое всеобщая стачка, как она должна быть подготовлена и осуществлена, к какому результату она должна привести, и была работа, которую авторы назвали так: «О революции, осуществленной всеобщей стачкой» (“De la Révolution par la grève générale”). Все биографы Бриана постоянно подчеркивали, что он был сторонником мирных средств борьбы, исключающих жестокость и насилие. Они определяют его термином «conciliateur» — соглашатель, примиренец. Ф. Пеллутье, как отмечает Ж. Онже, был менее чувствителен к возможной жестокости, порожденной революцией[18].

В тексте Записки о всеобщей стачке акцент делается на мирном и законном характере этого средства борьбы, предназначенного для проведения революции без насилия, без жестокости. Авторство этого положения, конечно, принадлежит Бриану. Авторы настаивают на необходимости придания всеобщей стачке международного характера. Подчеркивают связь между своей идеей всеобщей стачки и правами, предоставленными Республикой. И это — второе важное положение, которое постоянно будет и в дальнейшем отстаивать А. Бриан, положение о законности, легальности всеобщей стачки.

Дальнейшее описание практических конкретных действий, связанных с всеобщей стачкой: как она объявляется? что следует далее? — отличается наивностью, идеализмом, отсутствием реалистического представле-

ния о состоянии рабочего, в том числе и синдикалистского, движения. Авторы пишут так. В течение пяти лет четыре миллиона французских членов синдикатов будут платить членские взносы (предположительно увеличенные), чтобы рабочие смогли продержаться две недели, необходимые для успешного проведения всеобщей стачки. Чтобы не дать умереть с голода в течение этих пятнадцати дней участникам забастовки и членам их семей, на собранные деньги организаторы арендуют большой склад. Здесь в течение последнего полугодия перед стачкой накапливаются продовольственные резервы[19]. Что наивно и нереалистично в этих рассуждениях авторов? Во-первых, численность членов синдикатов явно завышена. Клод Виллар, отмечая рост численности членов синдикатов на протяжении 1890-х гг., указывает, что на 31 декабря 1899 г. во Франции насчитывалось 2685 синдикатов, объединяющих 492647 рабочих[20]. То есть ни о каких четырех миллионах речь не шла! И, наконец, наивным со стороны авторов было предположение, что буржуазное государство позволит создавать хранилище резервов, которые должны были использоваться для его уничтожения. Неясно представлена была авторами и перспектива: после победы забастовщиков «народ овладевает властью». Какой будет эта власть? Что станет с государством? «Ответа на эти волнующие вопросы», пишет Ж. Онже, авторы не дают[21].

Пропаганда идеи всеобщей стачки, развернутая А. Брианом и Пеллутье в "La Démocratie de l'Ouest", в выступлениях перед членами синдикатов и местной секции Французской рабочей партии, в различных интервью, делала все более популярной эту идею. Еще более популярными в родной Бретани становились и сами пропагандисты. В итоге несколько организаций бирж труда и местной (сен-назерской) секции Рабочей партии делегировали А. Бриана на конгрессы Национальной федерации синдикатов (находившейся под влиянием гедистов) и Французской рабочей партии, которые состоялись в сентябре 1892 г. в Марселе. Ошибочно не признавая синдикаты самостоятельной частью рабочего движения, гедисты допускали и другие ошибки: конгрессы Федерации синдикатов и Рабочей партии проходили практически одновременно, в одном городе, круг обсуждавшихся вопросов и ораторы были одними и теми же. Так было и в Марселе: 19 – 23 сентября 1892 года здесь проходил конгресс Национальной федерации синдикатов, а 24 – 28 сентября – конгресс Рабочей партии; «около одной трети делегатов обоих съездов, профсоюзного и политического,— отмечает К. Виллар,— составляли одни и те же люди: 19 на съездах 1890 г., 42 на съездах 1892 г.»[22]. Главным вопро-

сом обоих конгрессов был вопрос о всеобщей стачке. Главным оратором по этому вопросу на синдикалистском съезде был Аристид Бриан, он же был одним из основных ораторов на съезде партии.

На конгрессе Национальной федерации синдикатов Бриан выступал несколько раз, обратил на себя внимание участников конгресса и журналистов своим ярким ораторским талантом. Гедисты потерпели поражение по двум важным вопросам: под влиянием Бриана, в порыве энтузиазма, как пишет К. Виллар, синдикалистский съезд проголосовал единодушно за всеобщую стачку и отверг гедистскую тактику посылки делегаций к органам государственной власти, намечавшуюся на 1 мая 1893 г.[23] Успех А. Бриана вызвал недовольство противников всеобщей стачки — гедистов. Отношение гедистов к забастовкам, в том числе к всеобщей забастовке, было сродни их отношению к реформам. Принцип Ж. Геда «Все или ничего» нацеливал на борьбу против капитализма вообще, а не на борьбу за частичные уступки буржуазного государства, улучшающие положение рабочего класса. Иногда, правда, из тактических соображений, гедисты и сам Гед все же поддерживали требования реформ[24]. Что касается забастовок, то гедисты утверждали, что всеобщая забастовка – это утопия, которая может завести рабочих в тупик, отвлечь рабочий класс от политической борьбы за завоевание власти, разоружит пролетариат в его борьбе против буржуазии. Рабочая партия придавала второстепенное значение выступлениям рабочих за удовлетворение их насущных требований, оставалась в стороне от серьезных выступлений рабочих. Отстаивая право рабочих на забастовку, гедисты, как пишет К. Виллар, «не понимали, какую пользу могла принести подобная борьба, забастовка казалась им даже скорее опасным, чем полезным оружием». Они полагали, что забастовка истощает синдикаты, лишает их средств, необходимых для классовой борьбы «в ее наиболее необходимой и наиболее непосредственной форме – в форме завоевания государственной власти»[25]. Гедисты видели, что идея всеобщей стачки становится все более популярной, она завоевывала синдикаты, и они пытались с этим бороться.

В преддверии начала конгресса Рабочей партии это обстоятельство не могло не беспокоить руководство партии. Среди лидеров партии только Лафарг был знаком с Брианом, помнил и о перепалке с ним в январе 1892 г. По-видимому, память была недоброй. Иначе чем объяснить брошенную Лафаргом теперь фразу, что Бриан − это «политик, который состоит на жаловании у Констана», министра внутренних дел[26]. Лафарг

при этом не обращался ни к кому и ко всем, кто хотел его услышать. Эта фраза не делала чести Лафаргу, она свидетельствовала о той глубокой неприязни, которая возникла у него по отношению к Бриану – молодому, энергичному, талантливому оратору и начинающему политику.

Предотвратить выступление А. Бриана на конгрессе Рабочей партии, открывшемся 24 сентября, на следующий день после завершения синдикалистского конгресса, ставшего, по сути, триумфом Бриана, было невозможно. Да еще Бриан обратил на себя внимание тем, что предложил избрать почетным председателем собрания гостя конгресса Карла Либкнехта, лидера Социал-демократической партии Германии[27]. И предложение было принято.

Вечером того же дня Аристид Бриан предстал перед участниками конгресса и, как он позже говорил, перед лицом «бородатых стариков (старикашек) ортодоксального гедизма, перед брюзгливыми стариками партии»[28]. Спокойно и сдержанно Бриан говорил о всеобщей стачке, противопоставляя «дорогому сердцу Геда романтическому восстанию» забастовку «скрещенных рук», не преминув при этом упомянуть о законности этого средства борьбы. Он напомнил, что «до настоящего времени, чтобы подготовить наступление экономического социализма, используют только два метода – революцию и всеобщее избирательное право». Но «было бы ребячеством думать о том, чтобы начать кровавый романтический эксперимент, романтический вооруженный захват власти». Попытка организовать восстание, утверждал он, будет обречена «в наше время на фатальную неудачу» из-за невозможности построить баррикады на современных широких проспектах. «Война на улицах – это другая эпоха». А второй метод даст результат, говорил Бриан, но социалисты еще слишком слабы, социалистическая партия численно недостаточна, чтобы мечтать о взятии власти. Почему бы в этих условиях не использовать забастовку, законное средство борьбы, сделав ее всеобщей? «Таким способом пролетариат показал бы свою силу, свою роль создателя богатств, и легко завоевал бы реформы, по поводу которых сейчас с ним ревниво торгуются общественные власти». Все, о чем говорил Бриан, соответствовало его взглядам об отказе от насилия и жестокости, о возможности использовать средства, предоставленные рабочим законами Республики[29].

Отвечать на эту «почти академическую речь, спокойно произнесенную Брианом»[30], взялся сам Ж. Гед. Он утверждал, что его партия – это «классовая партия... партия социальных преобразований, революции и восстания, когда это восстание станет возможным». Далее он напом-

нил, что все смены режима происходили в результате государственного переворота или восстаний: Бурбоны, говорил он, были реставрированы в 1814 и 1815 гг. с помощью оружия и иностранных пушек; Орлеаны взяли власть в свои руки в результате трехдневной борьбы в июле 1830 г; бонапартисты восстановили империю, использовав пушки; республиканцы вновь пришли к власти в результате восстания 4 сентября. «Пролетариат в свою очередь будет действовать так же»[31]. Позицию Геда поддержала значительная часть делегатов конгресса. Гед торжествовал. Но и А. Бриан не потерпел сокрушительного поражения – у него появились сторонники в рядах Рабочей партии.

Вопрос о всеобщей стачке стал одним из самых обсуждаемых в социалистических партиях и в синдикалистском движении. Не менее значительным для самого Бриана стало то обстоятельство, что после конгрессов в Марселе он обрел известность, стал узнаваемым в национальном масштабе. В Сен-Назере, где у него появлялось все больше сторонников, но не уменьшалось и число противников, ему становилось тесно. Вот почему он, не раздумывая, принял предложение главного редактора газеты “La Lanterne” Майера создать и возглавить рабочую рубрику в этой столичной газете.

Время, когда А. Бриан обосновался в столице, для Франции продолжало оставаться непростым. Едва выйдя из серьезнейшего внутриполитического, буланжистского, кризиса, преодолев скандал в Елисейском дворце, завершившийся отставкой Жюля Греви с поста президента Республики, страна была втянута в коррупционный скандал в компании, занимавшейся строительством Панамского канала. А затем оказалась на пороге нового внутриполитического кризиса, связанного с делом Дрейфуса. На этот весьма неблагоприятный политический фон накладывалось и рабочее движение, активно проявлявшееся в различных формах – в манифестациях, забастовках, анархистском терроре.

Вопреки запрету правительства синдикаты, поддержанные бланкистами и аллеманистами, 1 мая 1893 г. организовали демонстрацию, которая закончилась столкновением с полицией и армейскими частями. В результате — на мостовой осталось много раненых. Проходили и другие манифестации и шествия. Назойливо активным стал анархистский террор: в декабре 1893 г. анархисты бросили бомбу в Бурбонский дворец, резиденцию Палаты депутатов, 70 человек было ранено; в феврале 1894 г. бомба была брошена в отель у вокзала Сен-Лазар; а 24 июня того же года в Лионе анархистом был убит президент Республики Сади Карно.

Правительство использовало обстановку для ужесточения внутренней политики, что проявилось и в принятии так называемых «злодейских законов», и в репрессиях против по-прежнему раздробленных социалистов и синдикалистов. Бриан оказался в центре событий. Во время первомайской демонстрации 1893 года он находился среди рабочих, призывал к спокойствию, утверждал, что «большие манифестации могут быть только мирными», что попытка ответить агрессией на агрессивные действия правительства может привести к еще большим жертвам[32]. В информации же парижских газет о манифестации Бриана стали называть вожаком, заправилой, главарем.

На съезде Федерации бирж труда, состоявшемся в Париже в 1893 г., по предложению Бриана было принято одностороннее решение о слиянии ФБТ с Национальной федерацией синдикатов. Кроме того съезд подтвердил верность принципу всеобщей стачки. Гедисты, находившиеся в руководстве НФС, отрицательно относившиеся и к идее всеобщей стачки, и к автору этой идеи Бриану, помешать стремлению синдикалистов к единству не могли. А стремление это ясно обнаружилось во время опроса по этому вопросу, проведенного Биржей труда Нанта, где в 1894 г. планировалось провести конгрессы Рабочей партии и Национальной федерации синдикатов. Бриан получил мандат делегата конгресса НФС от одного из синдикатов. Пеллутье, который почти одновременно с Брианом перебрался в Париж, был делегирован на конгресс НФС биржей труда Сен-Назера.

Синдикалистскому конгрессу предшествовал конгресс Рабочей партии, который проходил в Нанте 14 – 16 сентября 1894 г. Здесь главным лицом, конечно, был Ж. Гед. В выступлении в Нанте он осудил идею всеобщей стачки, как и частичную стачку как средство борьбы вообще, заявив, что стачки «не меняют существенно положения пролетариата». Несколько иную точку зрения высказал Ж. Жорес. Если, говорил он, допускаются частичные стачки, так как они могут принести рабочим некоторое улучшение их положения, когда сами рабочие думают, что они могут подготовить всеобщую стачку, почему не позволить проявиться здесь общественному мнению? «Не лишайте трудящихся оружия, в эффективность которого, справедливо или нет, они верят»[33]. Решения конгресса утверждали позицию гедистов: «Социализм не побуждает к забастовкам, ибо даже там, где они приводят к цели, они оставляют трудящихся в их положении пролетариев, то есть наемных рабочих»[34].

17 сентября открылся конгресс Национальной федерации синдикатов. Гедисты оказались перед реальной перспективой остаться в меньшинстве на этом конгрессе. К. Виллар отмечает, что в протесте сторонников Геда против действий Федерации бирж труда, направленных, как они полагали, против Национальной федерации синдикатов, «сквозил скрытый страх перед необходимостью столкнуться с рабочими массами, находясь в меньшинстве». Автор отмечает, что успехи синдикализма, начиная с 1892 года, были достигнуты «без участия и даже вопреки гедистам, которые очень дорого заплатили за бюрократическое отношение» к синдикалистскому движению, «за свою неспособность указать в противовес всеобщей стачке другие революционные перспективы, за свои тактические ошибки»[35]. На конгрессе Национальной федерации синдикатов «упорный догматизм» гедистов, их «революционная фразеология», мало сочетавшиеся, по словам К. Виллара, с реальностью, с очевидностью проявились.

Обсуждение вопроса о всеобщей стачке было еще более острым, чем на предыдущем конгрессе. Бриан в своем выступлении приводил все новые и новые аргументы в пользу возможности использования этого средства борьбы. Всеобщая стачка, говорил он, может укрепить рабочую солидарность. «Я не прошу голосовать за немедленное применение всеобщей стачки. Но почему вы отказываетесь голосовать за эту формулу?» Он убеждал, что, если рабочие организуют стачку за несколько месяцев до Всемирной выставки, которая должна была пройти в Париже в 1900 году, то правительство вынуждено будет принять закон о еженедельном и трехнедельном отпусках и о пенсионных кассах. Делегаты конгресса стоя аплодировали речи А. Бриана. Ф. Пеллутье на конгрессе высказал несколько отличную от А. Бриана точку зрения на всеобщую стачку. Необходимо отметить, что если и раньше Пеллутье не слишком щепетильно относился к возможности применения насилия в борьбе рабочего класса, то со времени переезда в Париж он сблизился с анархистами, что отдаляло его от Бриана. Но пока они были вместе. На конгрессе НФС Пеллутье говорил, что всеобщая стачка, стачка «скрещенных рук», ограниченная несколькими важными стратегическими секторами, — не что иное как революция, в ходе которой может быть применено насилие. Восстание, как утверждал Пеллутье, может быть обречено на поражение, и он ратовал за некий «тромбоз», способный победить государство и дать власть трудящимся. В выступлениях делегатов-гедистов, атаковавших Бриана, звучало определение всеобщей стачки как химеры, спо-

собной разделить народ и повести его к поражению. Один из делегатов иронично заявил: «Утверждают, что всеобщая стачка приводит в ужас капиталистов, что она нависает над ними как Дамоклов меч. Увы! Это только шпага адвоката, над которой буржуазия смеется». Самого же Бриана этот делегат презрительно назвал «судейским крючком (robin), который претендует на то, чтобы вести за собой рабочих»[36].

Голосование по вопросу о всеобщей стачке дало победу Бриану и его сторонникам: 65 голосами против 37, при 9 воздержавшихся делегаты согласились рассматривать всеобщую стачку как революционное средство борьбы. Не в пользу противников Бриана был решен и второй важный вопрос – о единстве. Было решено создать Национальный рабочий совет, в состав которого вошли по три представителя от Национальной федерации синдикатов и Федерации бирж труда и по одному человеку от каждой автономной федерации. Этот Совет должен был подготовить объединительный синдикалистский конгресс, который предполагалось провести в 1895 г. в Лиможе. Не поддержав идеи всеобщей стачки и преобладающее среди делегатов конгресса стремление к единству, гедисты обрекли себя на изоляцию. И как считает К. Виллар, 21 сентября во второй половине дня покинув съезд («хлопнув дверью», пишет по этому поводу П. Онже), 16 делегатов Национальной федерации синдикатов пошли на раскол[37].

Лидеры Рабочей партии не смогли серьезно проанализировать свои ошибки, просчеты, которые привели их к разрыву с массовым рабочим движением. Об этом свидетельствуют слова, сказанные П. Лафаргом: Бриан и Пеллутье, говорил он, «разрушили нашу зарождающуюся синдикальную федерацию и нанесли удар нашей попытке объединения рабочих и социалистических сил»[38]. В. И. Антюхина-Московченко, хоть и пишет о сектантских ошибках гедистов, цитируя Лафарга, косвенно соглашается с ним, вслед за ним перекладывая вину за случившееся в Нанте на людей, которые умели убеждать, умели бороться, опираясь на поддержку тех самых масс, с которыми утратили связь гедисты.

На съезде в Лиможе в 1895 г. была создана Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), за пределами которой оставалось еще несколько автономных синдикатов, и действительным объединение станет лишь в 1902 г. Национальная федерация синдикатов после Нантского конгресса, как пишет К. Виллар, медленно агонизировала, и в конце концов распалась. Гедисты официально бойкотировали Федерацию бирж труда и Всеобщую конфедерацию труда. В целом синдикалистское движение в эти

годы находилось в состоянии застоя, вызванного наступлением реакции, действием «злодейских законов», ограничивающих демократические свободы. В ВКТ шел процесс усиления анархо-синдикалистских тенденций. Все более приверженным анархизму становился Ф. Пеллутье, один из лидеров ВКТ, что увеличивало пропасть между ним и А. Брианом.

Чем отчетливее сказывалось влияние анархистских элементов в деятельности бирж труда, тем реже там бывал Бриан. В годы, последовавшие за Нантским конгрессом, он посещал Биржи труда, был делегатом конгрессов синдикалистов, но много сил и внимания отдавал работе в газете “La Lanterne”. Постепенно руководство газетой перешло в его руки. Именно под его руководством газета, по утверждению Ж. Онже, стала действительно социалистической. Бриан смог привлечь к сотрудничеству с газетой Р. Вивиани, А. Мильерана, Ж. Жореса, а также радикалов К. Пельтана, Ж. Клемансо. И сам сотрудничал с газетами «La Petite République» и «La Justice», в издании которых участвовали названные лица. Его круг общения в эти годы – группа независимых социалистов, таких колоритных личностей как Жорес, Вивиани, Жеро-Ришар, Мильеран и другие. Некоторые из них были депутатами парламента. Бриан чутко вслушивался в разговоры депутатов о повседневной жизни Бурбонского дворца, о дебатах в Палате и о разговорах в ее кулуарах; прислушивался к едким репликам, которыми обменивались его новые друзья по поводу речей, произносимых в парламенте. В Бриане, который уже неоднократно неудачно баллотировался в депутаты, эти разговоры подогревали стремление стать парламентарием, которое он сможет реализовать только в 1902 году.

Во второй половине 1990-х годов три проблемы общественной жизни и жизни социалистов оказались взаимосвязанными. Дело Дрейфуса из банального дела о шпионаже превратилось в политическое в связи с разоблачением преднамеренной лжи суда и военных властей. Борьба прогрессивных сил страны в защиту Дрейфуса поставила перед социалистами вопрос о необходимости объединения всего социалистического движения. А вхождение независимого социалиста А. Мильерана в «правительство республиканской концентрации», созданного на волне борьбы за и против Дрейфуса, поставило под сомнение перспективу объединения социалистов, разделив их на сторонников и противников участия социалистов в буржуазном правительстве, министериалов и антиминистериалов.

А. Бриан и Ж. Гед вновь оказались по разные стороны «баррикад». Гедисты, как пишет К. Виллар, отмежевались от дела Дрейфуса как раз тогда, когда дело стало проясняться[39], а в общественном мнении наступил поворот – от равнодушия или осуждения Дрейфуса к его защите. В одной из деклараций Французской рабочей партии говорилось, что «пролетариату нечего делать в этой битве, это не его борьба», что «пролетарии должны лишь наблюдать со стороны и считать удары». Борьба за пересмотр дела Дрейфуса, утверждалось в декларации ФРП, «должна полностью отойти на задний план перед главной целью – борьбой за социальную революцию». В это время Жорес, стремясь ввести объединенные силы социалистов в борьбу за Дрейфуса, старался их объединить. Тенденция к единству находила отклик и в рядах ФРП. Но руководство партии потребовало и добилось от Жореса обещания, что он «не впутает социалистическую партию в дело Дрейфуса, а ограничится только своими собственными действиями». Догматизм, справедливо утверждает К. Виллар, делал гедистов слепыми, он помешал им глубоко проанализировать ситуацию. В результате «они остались в стороне от массового движения, отказавшись его возглавить»[40].

А. Бриан «не остался индифферентным наблюдателем», он включился в борьбу, «участвуя в различных дискуссиях и публикуя статьи в газетах», пишет один из его первых биографов А. Обер[41]. Во время избирательной кампании 1898 г., проходившей по определению Ж. Онже в «ядовитой атмосфере антисемитизма», один из противников Бриана назвал его «человеком евреев», который защищает Дрейфуса в “La Lanterne”[42]. Выборы были неудачными не только для Бриана: и Жорес, и Гед не были избраны в Палату депутатов. Но сразу после выборов Бриан вместе с Жоресом кинулся отражать новый приступ антидрейфусаров. Он с головой погрузился в борьбу, взяв на себя обязательство защищать «честь капитана» Дрейфуса, а также «ценности республики и гуманного социализма»[43].

К этому времени в Рабочей партии сформировалась достаточно четкая тенденция к преодолению сектантства руководства партии в деле Дрейфуса: многие организации и отдельные активисты, пишет Клод Виллар, отказывались «оставаться над схваткой». В сентябре 1898 г. Национальный съезд ФРП выработал компромиссное решение, в котором говорилось, что «партии следует вести агитацию вокруг последних военных, судебных и правительственных скандалов», чтобы «расширить социалистическое и революционное воспитание пролетариата». Но

занять определенную позицию «в частном случае с Дрейфусом» съезд отказался[44].

Однако атмосфера гражданской войны, проявившаяся, в частности, в активизации ультраправых сил и введении осадного положения в Парижском районе, заставляла социалистов, в том числе и гедистов, подумать о необходимости единства действий для защиты Республики. В середине октября 1898 г. возникает Постоянный комитет бдительности с представительством от всех социалистических групп. Бриан вошел в этот Комитет, воспринимаемый Жоресом и его сторонниками как шаг к единству действий всех социалистов. Однако как только Комитет бдительности к неудовольствию гедистов стал превращаться в комитет действия, они стали игнорировать его деятельность[45], чем похоронили Комитет, не похоронив, однако, идею единства.

Но едва на волне победы дрейфусаров[46], закалившиеся в борьбе социалисты ощутили возможность объединения, как на пути этого нарождающегося единства возникло новое препятствие, разделившее их. Фактором, взорвавшим относительное единство и спокойствие в рядах социалистов, стало создание в июле 1899 г. правительства «республиканской концентрации» во главе с Вальдеком-Руссо: на крайне левом фланге этого правительства был один из лидеров независимых социалистов А. Мильеран, на крайне правом – один из тех, кто проявил жестокость во время «кровавой майской недели» 1871 г. − генерал Галиффе. Вопрос – может ли социалист сотрудничать с буржуазным правительством – разделил социалистов. Гедисты и бланкисты высказались категорически против такого сотрудничества, осудив Мильерана в опубликованном ими манифесте, призывая покончить с «мнимосоциалистической тактикой, состоящей из компромиссов и отклонений, которыми слишком долго пытались подменить классовую политику»[47]. Жорес и его сторонники, среди которых был и Бриан, одобрили вступление Мильерана в правительство, аргументируя это необходимостью использовать все средства для защиты Республики, которая по-прежнему находилась в опасности. А. Бриан, кроме того, в самом факте участия социалистов в буржуазном министерстве видел «совпадение интересов пролетариата и интересов всей нации, выполнение исторической миссии пролетариата, которая состоит в уничтожении классов»[48].

«Казус Мильерана» не помешал, а только осложнил и растянул во времени решение главного вопроса социалистического движения Франции

– об объединении. Однако позиция всех, по-прежнему многочисленных социалистических партий и групп, в подходе к решению этого важнейшего вопроса времени определялась в значительной степени отношением, прежде всего, их лидеров к мильеранизму как явлению и к Александру Мильерану как личности. Над всеми конгрессами социалистов витал дух министериализма и антиминистериализма.

На первом объединительном конгрессе, проходившем в зале Жапи в Париже в декабре 1899 г., гедисты и бланкисты обладали большинством. Гед соглашался вести дискуссию об объединении только в том случае, если участие социалиста в буржуазном правительстве будет осуждено конгрессом. «Доктринальная чистота была для него намного важнее, – пишет Ж. Онже, – чем сближение с другими социалистами, которые так мало значили в его глазах»[49]. В результате трехдневных дискуссий по вопросу о министериализме большинством в 818 голосов против 634 конгресс принял резолюцию, осуждающую вхождение социалиста в буржуазное правительство. К. Виллар пишет, что «победа, одержанная гедистами в зале Жапи, оказалась пирровой победой»[50]. Под влиянием Жореса, в своем выступлении напомнившим Лафаргу о некогда написанной им книге «Социализм и завоевание общественных властей», где автор выступал апологетом участия социалистов во власти[51], и выступления Бриана, говорившего о том, что гедисты нередко отступали от своих принципов во имя власти, и сделавшего вывод о том, что все социалисты несут ответственность за поступок Мильерана[52], конгресс принял и вторую резолюцию, которая допускала возможность участия социалиста в буржуазном правительстве в исключительных обстоятельствах. Эта резолюция собрала 1140 голосов против 240[53]. Соотношение голосов вполне могло поставить под сомнение голосование по первой резолюции! Если Гед не придавал никакого значения второй резолюции, то независимые, аллеманисты и бруссисты считали, что эта резолюция оправдывает присутствие Мильерана в правительстве.

Что касается вопроса об объединении социалистов, то на конгрессе в зале Жапи произошло формальное объединение социалистических партий и групп, которые продолжали действовать самостоятельно. Главой созданного Генерального комитета, обладавшего административными функциями, был избран А. Бриан, хотя большинство в Комитете принадлежало гедистам. И это тоже ставило под сомнение надежность позиций ортодоксальных гедистов. И все же шаг в сторону единства был сделан.

Когда на следующем конгрессе, созванном в октябре 1900 г. с целью объединения, гедисты поняли, что резолюция, осуждающая участие социалистов в правительстве не получит большинства участников конгресса, они, следуя своей обычной тактике, покинули зал Ваграм, оставив поле битвы своим оппонентам. Оставшиеся в зале договорились предоставить Генеральному комитету мандат для выработки программы единой партии. В 1901 г. на аналогичном конгрессе (проходившем без участия гедистов) маневр гедистов повторили бланкисты, когда большинство не поддержало предложенный ими проект резолюции об исключении Мильерана из социалистической партии. По предложению А. Бриана Мильеран был оставлен в партии. Бриан при этом резонно заметил, что «социалисты собираются на ежегодный раскол»[54].

После всех этих неудачных попыток объединения во Франции образовались две самостоятельные социалистические партии. Сторонники Жореса и Бриана, аллеманисты и поссибилисты создали Французскую социалистическую партию (ФСП), не скрывавшую своих реформистских тенденций. Гедисты и бланкисты объединились в Социалистическую партию Франции (СПФ), которая конкретным реформам в интересах рабочего класса и расширения республиканских свобод противопоставляла, по выражению К. Виллара, гедистский мираж революции.

Создание двух партий диссонировало с реальной внутриполитической и международной обстановкой, требовавшей противоположного – единства. В конце Х1Х − начале ХХ вв. ухудшилась международная обстановка: нарастал антагонизм между европейскими странами, ужесточилась борьба за колонии, усилилась гонка вооружений, русско-японская война стала показателем серьезных сдвигов в мире. В это же время произошли серьезные изменения в социально-экономической обстановке во Франции: с ростом промышленности увеличилась численность рабочего класса; нестабильность в некоторых отраслях, рост цен привели к повышению стоимости жизни и нарастанию рабочего движения. Кроме того, масса рядовых социалистов не понимала и осуждала бесконечные теоретические споры между лидерами партий и групп социалистов, требовала объединиться. Процесс сближения враждующих партий начался практически сразу после их оформления. Причем страдавший хроническим сектантством Гед сделал в этом направлении первый шаг, обратившись к авторитету Интернационала. По его инициативе Амстердамский конгресс Интернационала в августе 1904 г. рекомендовал национальным партиям, являвшимся секциями международной социалистической пар-

тии (Интернационала) объединиться. СПФ и ФСП должны были подчиниться этому решению. Проблема состояла в платформе объединения. Гед задал тон обсуждению этого вопроса: он предложил забыть разногласия, открыть новую страницу в истории французского социализма. «Забыты ошибки тех, кто сошел с классовой платформы, мы протягиваем им братскую руку»,− говорил Гед на заседании Исполнительной комиссии СПФ[55]. После некоторых колебаний Жорес принял вызов, стремясь избежать обвинений со стороны французского и международного рабочего класса в том, что именно он является главным препятствием к единству. Вскоре стало ясно, что ФСП уступила, перешла на позиции СПФ. В конце декабря был выработан проект общей резолюции, который К. Виллар определил как «подлинную хартию единства». В проекте резолюции говорилось, что единая социалистическая партия «не является партией реформистской, это партия классовой борьбы и революции»[56].

Дебаты развернулись на ежегодном национальном конгрессе ФСП, состоявшемся в марте 1905 г. в Руане. В своей как обычно яркой речи Бриан, обращаясь к сторонникам объединения, говорил: «Некоторые из вас идут к объединению, низко опустив головы; вы хотите бросить нас как ковры под ноги наших противников. Будет ли прочным единство, которое осуществляется при смирении одних и торжествующей ненависти других?»[57]. Дебаты завершились речью Ж. Жореса, который смог добиться единодушной поддержки объединения. Среди поддержавших лидера был и А. Бриан.

Конгресс единства, проходивший в зале Глоб в Париже 23 – 25 апреля 1905 года, принял решение о создании партии, получившей название Социалистическая партия, Французская секция рабочего Интернационала −СФИО (аббревиатура от французского названия − Séction française de l'International ouvrière). Бриан вопреки обыкновению в течение всего конгресса не проронил ни слова. В новой партии доктринально и политически господствовали друзья Геда. Бриан в СФИО оказался маргиналом. Парадокс, бросающийся в глаза, отмечает Ж. Онже, состоял в разительном отличии положения Бриана в новой партии и его положения в стране. Он был одним из лидеров ФСП, признанным организатором и руководителем синдикалистского движения, успешным адвокатом, журналистом. После избрания в 1902 г. депутатом он обратил на себя внимание парламентариев и прессы своим ораторским искусством, особенно во время более чем четырехмесячных дебатов в Палате депутатов по зако-

нопроекту об отделении церкви от государства: он был председателем комиссии Палаты, подготавливавшей законопроект, а также одним из его авторов, а затем и докладчиком в Палате депутатов. Такое расхождение в положении в партии и в стране не могло не иметь последствий. Бриан ощущал себя способным сделать больше, чем та роль, которая отведена была ему в партии. К тому же сама партия после объединения однородной не стала. Оппозиция объединению была как в той, так и в другой партии. Сами гедисты вскоре стали представлять что-то вроде фракции меньшинства в СФИО. Недовольство сторонников Жореса вызывал и всесторонний контроль со стороны гедистов. Многие видные деятели Французской социалистической партии остались вне СФИО, создав группу независимых социалистов. Бриан не отказался войти в объединенную партию, как пишут об этом советские историки[58]. Он в ней остался, он даже после колебаний присоединился к парламентской фракции СФИО в Палате депутатов. Но, как оказалось, его членство в этой партии было недолгим. И инициатором разрыва стал не он.

В марте 1906 г. радикал Ф. Саррьен, формировавший по поручению президента А. Фалльера правительство, предложил А. Бриану войти в состав этого кабинета в качестве министра народного образования и культов: ему предоставлялась возможность реализации закона об отделении церкви от государства, за который он так отчаянно сражался. Бриан решил предупредить Ж. Жореса о полученном предложении, заявляя даже о готовности выйти из партии. Жорес предпочел созвать по этому поводу Национальный совет партии. Однако вопрос о возможном участии Бриана в правительстве не обсуждался: Жорес просил Бриана не поднимать его[59]. Но в тот же вечер Бриан узнал, что едва он вместе с Жоресом вышел, как Национальный совет принял решение исключить его из партии[60]. А на следующий день, 12 марта, в “L’Humanité” была опубликована статья Жореса, в которой было раскрыто имя нового министра и говорилось, что «Национальный совет взял на себя инициативу голосования, которым он напоминал о классовом характере партии и констатировал, что всякий социалист, участвующий в буржуазном правительстве, сам ставит себя вне партии». Правда, далее автор писал, что «роль Бриана будет состоять в том, чтобы заботиться о применении закона об отделении церкви от государства, сторонником которого он был… а также напоминать министрам о неотложных социальных проблемах… Почему,− задавал вопрос автор, − чтобы использовать свои правительственные полномочия и свои возможности немедленно действовать, он

должен отделиться от этой большой социалистической партии?»[61]. Так А. Бриан оказался вне СФИО. Или, как пишет об этом В. Маргеритт, был избавлен «от ярма гедизма»[62]. Шаг к разрыву с социалистической партией сделал не он. Он присоединился к группе независимых социалистов, став самостоятельной политической фигурой, не связанной обязательствами ни с какой партией. Стал ли А. Бриан ренегатом социалистического движения?

***

А. Бриан довольно рано приобщился к политике. Он приобрел известность как журналист, стал известным адвокатом, прославился как великолепный оратор. В силу обстоятельств своего социального происхождения и жизни он включился в рабочее движение, став одним из лидеров синдикалистского движения и социалистической партии, которая старалась, по характеристике К. Виллара, сегодня, а не завтра помочь улучшить условия жизни и борьбы трудящихся, старалась давать конкретные ответы на животрепещущие проблемы современности[63]. Он был сторонником мирных, ненасильственных, легальных средств борьбы, разрешенных законами Республики. Одним из таких средств он считал всеобщую забастовку. И он выступал пропагандистом этого средства борьбы.

Практически с самого начала приобщения Бриана к рабочему движению начинается его противостояние с Ж. Гедом, лидером Французской рабочей партии, а затем и Социалистической партии Франции, отличавшихся догматическим подходом к решению насущных проблем общественной жизни. Невнимание гедистов к повседневной жизни рабочих, отрицательное отношение к борьбе за реформы, к синдикалистскому движению, к стачкам как средству борьбы, установка только на подготовку рабочего класса к завоеванию власти в результате революции, революционная фразеология обрекли их на сектантскую оторванность от тех самых масс, на руководство которыми они претендовали.

Создание объединенной партии – СФИО – положило конец этому противостоянию: гедистский постулат о том, что новая партия является не партией реформ, а партией классовой борьбы и революции, заложенный в Хартию единства, делал неизбежным разрыв между Брианом и созданной партией. Он не отказался войти в СФИО, как сделали это А. Мильеран, Р. Вивиани, А.-Л. Жеро-Ришар. Он остался в партии. Но долгим его членство в ней быть не могло. Отрицание Брианом насилия,

жестокости, кровопролития, неизбежных в революции, должно было послужить основанием для его разрыва с партией. Согласие его войти в состав формировавшегося правительства радикала Саррьена стало причиной его исключения из СФИО. То обстоятельство, что инициатором разрыва был не он, значения не имело. Можно отметить, что естественным было вступление Бриана в синдикалистское, социалистическое движение, так же естественно теперь было для него оказаться вне социалистической партии, прокламировавшей принципы, противоречившие его внутренним убеждениям. Вот почему неправомерно называть его ренегатом социалистического движения. К тому же абсолютным разрыв Бриана с социалистическим движением не был. Он продолжал поддерживать отношения с массовыми организациями рабочего класса, материально поддерживал газету «L'Humanité». Но нельзя отрицать и того, что положение вне СФИО оказалось для него благоприятным. Вкус к политике, горизонты, которые открылись для него после избрания в Палату депутатов, перспектива стать министром также сыграли существенную роль в его разрыве с СФИО.

---

[1]*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 297.

[2]См.: Франция в 1871 – 1898 гг. // Новая история. 1870 – 1918 / Учебник для студ. исторических специальностей университетов и пединститутов. Глава 7. М., 1973. С. 104.

[3]См.: *Антюхина-Московченко В. И.* История Третьей республики во Франции. 1870 – 1918. М., 1986. С. 207.

[4]Там же. С. 361.

[5]*Unger G.* Aristide Briand: le ferme conciliateur. Paris, 2005. P. 22.

[6]См.: Ibidem. P. 35 – 36.

[7]Цит. по: Ibidem. P. 38 – 39.

[8]См.: Ibidem. P. 45 – 46.

[9]См.: *Margueritte V.* A. Briand. Paris, 1932. P. 33; Aubert A. Op. cit. P. 20 – 21.

[10]Подробнее о социалистическом движении во Франции этого времени см.: *Антюхина-Московченко В. И.* Указ. соч. С. 165 – 180.

[11]Подробнее о забастовочном и профсоюзном движении см.: Там же. С. 185 – 189, 203 – 208.

[12]См.: История Второго Интернационала. В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 55 – 56.

[13]См. об этом: *Виллар К.* Социалистическое движение во Франции. 1893 – 1905. (Гедисты) / Пер. с франц. М., 1969. С. 74 – 75.

[14]См.: Там же. С. 75.

[15]*Unger G.* Op. cit. P. 65 – 66; См. также: *Болдырев И. А.* Лафарг. М., 1984. С. 59.

[16]Ibidem. P. 66.

[17]Ibidem.
[18]Ibidem. P. 69.
[19]Содержание работы А. Бриана и Ф. Пеллутье о всеобщей стачке прокомментировано по: Ibidem. P. 69 – 70.
[20]См.: *Виллар К.* Указ. соч. С. 74, 77 и др.
[21]*Unger G.* Op. cit. P. 70.
[22]См.: *Виллар К.* Указ. соч. С. 77.
[23]Там же.
[24]Подробней об изменении позиции гедистов в вопросе о реформах см.: Там же. С. 89 – 90.
[25]Там же. С. 249, 372 – 373.
[26]*Escholier R.* Souvenirs parlés de Briand. Paris, 1932. P. 58.
[27]*Unger G.* Op. cit. P. 71.
[28]*Escholier R.* Op. cit. P. 58.
[29]Ibidem. P. 59 – 61..
[30]Так охарактеризовал речь А. Бриана А. Зеваэс. См.: Ibidem. P. 61.
[31]Ibidem. P. 62.
[32]*Unger G.* Op. cit. P. 76.
[33]См.: *Виллар К.* Указ. соч. С. 383 – 384; *Unger G.* Op. cit. P. 84.
[34]Цит. по: *Виллар К.* Указ. соч. С. 374.
[35]См.: Там же. С. 378, 574 – 575.
[36]Цит. по.: *Aubert A.* Op. cit. P. 29 – 30.
[37]*Виллар К.* Указ соч. С. 384; *Unger G.* Op. cit. P. 86. Подробнее о конгрессе Национальной федерации синдикатов в Нанте см.: *Aubert A.* Op. cit. P. 29 – 30; *Unger G.* Op. cit. P. 84 – 86.
[38]Цит. по: *Антюхина-Московченко В. И.* Указ. соч. С. 207.
[39]Покончил с собой главный лжесвидетель полковник Анри; действительно виновный– Эстергази, бежал из страны.
[40]См.: *Виллар К.* Указ. соч. С.426 – 428. См. также: *Unger G.* Op. cit. P.95 – 96.
[41]*Aubert A.* Op. cit. P. 32 – 33.
[42]*Unger G.* Op. cit. P. 96.
[43]Ibidem.
[44]Цит. по: *Виллар К.* Указ соч. С. 429.
[45]Подробнее об этом см.: Там же. С. 430 – 433.
[46]Приговор, вынесенный Дрейфусу в 1894 г., был отменен.
[47]Цит. по: История Второго Интернационала. Т. 1. С. 297.
[48]Цит. по: *Margueritte V.* Op. cit. P. 61 – 62.
[49]*Unger G.* Op. cit. P. 108.
[50]*Виллар К.* Указ соч. С. 455.
[51]Подробней об этом см.: *Unger G.* Op. cit. P. 108.
[52]См. об этом: *Виллар К.* Указ соч. С. 451 – 452.
[53]Там же. С. 453.
[54]Цит. по: *Unger G.* Op. cit. P. 1. 17.
[55]См.: *Виллар К.* Указ. соч. С. 548.
[56]Там же. С. 549 – 550.

[57]Цит. по: *Margueritte V.* Op. cit. P. 90 – 91.
[58]См. об этом, напр.: *Антюхина-Московченко В. И.* Указ. соч. С.344.
[59]См. об этом: *Unger G.* Op. cit. P182.
[60]См.: *Aubert A.* Op. cit. P. 65 – 66.
[61]Цит. по: *Unger G.* Op. cit. P. 182 – 183.
[62]*Margueritte V.* Op. cit. P. 90 – 91.
[63]*Виллар К.* Указ. соч. С.576 – 577.